

Ба 95592

92

Что такое
образование

Ба 95592 ф.

37

Л 847

Цена 1 р. 25 к.

37

Л 847

122666

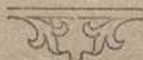
ЧТО ТАКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

==== РЕЧЬ ====

НАРОДНОГО КОМИССАРА

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

НА ОТКРЫТИИ КУРСОВ ИНСТРУКТОРОВ
ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ГОМЕЛЬСКОГО ГУБОТДЕЛА
РАСПРОСТРАНЕН. ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕЧАТИ

ГОМЕЛЬ,
2-ая Советская типография.

1919.

Директорская
оплата
БССР
Имя У. И. Зайна

100-20200-7

Page 1 of 28

OFFICE OF THE
ATTORNEY GENERAL

STATE OF CALIFORNIA

DEPARTMENT OF JUSTICE

~~53~~

122666

5 95592

Фонд (дзед)
1994 г.105
21

Открытие курсов инструкторов по внешкольному образованию.

Луначарский. Товарищи и граждане! От имени Комиссариата Народного Просвещения С. К. С. Обл. объявляю курсы по внешкольному образованию открытыми и постараюсь в небольшой речи раскрыть перед вами то содержание, которое мы внесли в понятие внешкольного образования.

Конечно, даже в России оно не является чем-то новым. Некоторые общественные учреждения, земства в первую голову, городские самоуправления и отдельные союзы старались бороться с безграмотностью и невежеством, искусственно поддерживавшимися правительством в русском народе.

Временное правительство, незадолго до своего низвержения через известную деятельницу внешкольного образования графиню Панину, старалось сделать государственным это дело внешкольного образования, и внесена была в смету небольшая сумма, приблизительно треть той суммы, которая ассигнована при новом правительстве на это дело. Но это было только в плане дальнейших действий. На самом же деле русское правительство царское, а также и временное буржуазно-революционное, ничего существенного в этом деле не предпринимало. Между тем как здесь, вместо буквально непочатая нива, на которой придется работать, все более и более внедряясь в это дело, быть может с еще большей энергией, чем в деле школьного образования.

ОТДЕЛ ХРАНИЛИЩ
Гос. Публ. Библиотеки

И. М. В. Г. Белкин

г. Свердловск

Прежде всего, что такое *образование*? Определить это не так просто,

У нас считалось, что человек, кончивший гимназию, а тем более университет,—человек образованный. Однако, нужно подойти к этому с большой критикой. Совсем не верно, будто каждый кончивший гимназию или университет является образованным человеком, и что в то же самое время всякий не кончивший определенной школы является необразованным человеком. Один из величайших буржуазных философов Ницше, касаясь вопроса о том, что такое образование, утверждает, что вряд ли можно найти людей более косно необразованных, более отвратительно необразованных, как именно те, которые считаются образованными, т. е. чванящиеся теми знаниями, которые дала им та или иная высшая школа. Оторванные от человеческих низов, совершенно лишённые всякого общественного инстинкта, делающие свою карьеру в качестве специалиста инженера, врача, адвоката, считающие, что моя хата с краю,—этот тип образованного якобы человека на самом деле самый омерзительный тип, гораздо дальше отступающий от действительного представления об образованном человеке, чем тип „простолюдина“, сколько-нибудь просвещённого в общественном отношении, а уже не говоря о передовой пролетарии.

Наше слово «образование», как и немецкое *Bildung*, происходит от слова «образ». Очевидно, когда народу приходилось определять, что должен сделать из себя всякий человек и что должно сделать общество из него, то рисовалась картина возникновения из какого-то материала образа человеческого. Образованный человек — человек, в котором доминирует образ человеческий. Вы знаете, что люди религиозные говорили, что человек создан по образу и подобию Божьему, что в нем есть нечто божественное. Один из величайших наших учителей — Фейербах, который с научной точки

зрения подошел к религиозным представлениям, совершенно правильно заметил, что не человек создан по образу Божьему, а Бог создан по образу человеческого.

Как же это Бог создавался по образу человеческого? Если вы присмотритесь к богам ли Греции, которые были ослепительными красавцами, бессмертными, мудрыми существами, или к тем определениям, которые даст своим богам христианство, когда говорит, что его боги или его Бог (троичный в лицах) всеблаг, всемогущ, всеправеден, вездесущ—то вы найдете, что человек на это мало подходит, что человек далек от всемогущества, далек от всеблагости. Дело в том, что и язычники в своих богах, и христиане в своем Боге создавали *идеал* человека. Когда из глубин своей души человек мечтал о том, чем бы ему хотелось быть, то он выдвигал идеал героя-богатыря или Бога, который есть герой или богатырь только бессмертный имеющий к своим услугам всю вселенную и все возможности для развития до предела, до бесконечного. Таким человек хотел быть. Человек несет в себе свой собственный идеал. Возьмем, например, тело человека. Тело несет в себе самом свой идеал. Если вы спросите гигиениста о том, каким должно быть нормальное человеческое тело, он не скажет вам: возьмите сто человек, измерьте ширину груди, сердца и т. д., выведите среднее и это будет нормальная мера. Нет, гигиенист так не скажет. Гигиенист скажет, что нужно развернуть человеческое тело так, чтобы человеческие мускулы развились до наибольшего объема, но без вреда для сердца и т. д. Он будет стремиться показать вам каждый орган тела в таком максимальном развитии, при котором другие органы не страдают. Стало быть, он будет стремиться показать вам *гармоничное* развитие всех органов человеческого тела: здоровое сердце, здоровые легкие, здоровый желудок, здоровые мускулы,

крепкие кости,—все на своем месте, все готово к движению, все правильно орошается кровью. Перед вами сейчас же возникает представление о красавце человеке, о гармоничном существе, на которое радостно смотреть и которое само испытывает радость от того, что живет. Физическое образование человека и должно привести человеческий материал, жизнью обиженный, наследственностью испорченный, искалеченный, современный человеческий материал к развитию именно такого образа. Таково образование физическое

Теперь поставим такой же вопрос в области интеллектуального образования. Когда человека спрашивают, чем бы он хотел быть, он говорит устами своей религии: хочу всеведения, хочу знать все. Но все знать, при условии человеческой короткой жизни, когда мы далеки от того, чтобы завоевать бессмертие, нельзя. Всего объема наук вместить в свою голову невозможно. Мало того, вся культура наша современная строится таким образом, что одни берут для себя одни обязанности, а другие—другие, и невозможно быть одновременно хотя одинаково хорошим врачом, живописцем, музыкантом и техником. Этого не бывает. У каждого в нашем обществе есть своя специальность, в которой он совершенствуется, которую он знает досконально, к которой он привык и которую он поэтому превосходно делает. Что же, тогда образованный человек вообще будет потерян? Значит, никакого всеведения никогда человеку не будет дано? Значит, один будет инженером, другой агрономом, а третий каким-нибудь рабочим, и каждый будет знать только свою специальность так же, как в нашем живом организме нельзя соединить клетки сердца и клетки мозга, они совершенно разные, разные цели преследуют и существуют диспаратно.

Нет, конечно. Человеческое общество идет к разделению труда. Подлинное человеческое правильное общество идет путем разде-

ления труда к тому, чтобы приобрести возможно больший общий капитал как благ, так и познаний. Но если бы никто не сознавал этих *общих* познаний, того, что творит медицина у себя, социология у себя, география в своей области, астрономия—в своей, что такое химические или механические умения, биология и педагогика, если бы каждый знал *только* свою работу, а итоги других не были бы ему известны,—тогда культура бы распалась. Образованный же человек тот, кто *все* это знает в общем, но имеет и свою специальность, который знает свое дело досконально, а об остальном гордо заявляет: ничто человеческое мне не чуждо. Человек, который знает основы и выводы и в технике, и в медицине, и в праве, и в истории и т. д.—действительно образованный человек. Он действительно идет к идеалу всеведения. Но не таким образом, чтобы поверхностно скользить по всему; он должен иметь *свою* специальность, он должен знать *свое* дело, но, вместе с тем, интересоваться и уметь войти в любой другой круг познаний. Такой человек слышит весь концерт, который играют вокруг него, все звуки для него доступны, все они сливаются в одну гармонию, которую мы называем культурой. И в то же самое время сам он играет на одном определенном инструменте, играет хорошо, и дает свой ценный вклад в общее богатство, а это общее богатство все в целом отражается в его сознании, в его сердце. Таков интеллектуально развитый человек, таков образованный человек.

Возьмем теперь эстетическое, художественное образование. Совершенно так, как я говорил о врачах, адвокатах, так же нужно говорить и о художниках. Если у вас есть талант, вы можете сделаться специалистом-живописцем. Но горе вам, если вы в качестве живописца скажете: я музыки вообще не понимаю, не признаю, мое дело живопись,—как горе вам, если вы скажете: какое мое дело

до астрономки, я до сих пор думаю, что солнце вращается вокруг земли. Невеждою не должен быть никто. Всякий должен знать основы всех наук и всех искусств. Будь вы сапожник или профессор химии, если у вас закрыта туша к любому из искусств,—значит вы урод, такой же как если бы у вас не было одного глаза или вы были бы глухим, ибо образование человека заключается именно в том, чтобы все, в чем человечество творит историю и культуру, что отражается в произведениях, идущих на пользу человека или на его утешение, или просто на наслаждение жизнью,—чтобы все это было доступно каждому человеку, но чтобы при этом он имел какую-нибудь специальность. Не непременно одну,—есть такие высоко-талантливые люди, которые могут иметь их две, например, один из крупных наших композиторов Бородин был, вместе с тем, ученым ботаником. Такие вещи бываюи, и они могут только радовать человечество. Но нельзя ни в коем случае, чтобы специальность убивала в человеке общее образование, как и общее образование не убивало бы в человеке специальность, от чего происходит одно из самых отвратительных явлений—дилетантизм. Дилетанта, человека наслаждающегося, срывающего цветы, снимающего сливки,—не должно быть. Непрерменно нужно, чтобы в какой-нибудь одной области человек сам творил, чтобы в ней он углубленно работал, с творческим напряжением индивидуальных сил и кровью своего сердца, соком своего мозга создавал действительно важные приобретения для человечества. Если этого нет в человеке, если он только дилетант, то он не может быть признан образованным человеком.

Теперь мы перейдем к этике—к морали. Уже, когда мы говорили об интеллектуальном, техническом и художественном развитии человека, мы могли спросить себя: постойте, вы говорите, что все человеческое должно быть к услугам каждого человека, что все,

что произведено в шахтах, на полях, на огородах, на фабриках и заводах, во всякого рода художественных мастерских, в театрах и академиях, университетах и школах,—что все это должно быть доступно для каждого человека. Чтобы каждый из нас в течение, скажем, 8 часов, засучив рукава, работал где-то у себя, а потом шел в храм человеческой культуры и там наслаждался плодами рук не только своих, но и всего общества. Но разве так делается в буржуазном мире? Нет, огромное большинство так-называемого простого народа, который несет на себе главным образом тяжесть труда, совершенно отрезано от этой культуры, абсолютно не может ею пользоваться. Кроме того, мы видим, что специализация доведена почти всюду до обезображения человеческого образа. В специальности ушли настолько что даже в такой сравнительно передовой стране, как Германия, специальности искалечивают настоящего человека. И в то же самое время есть масса паразитов, тунеядцев, которые искажают образ человеческий в том отношении, что только наслаждаются, ничего не творят, от чего атрофируется творческая сила их духа. Они подобны паразитам на теле человеческом,—паразитам, которые теряют постепенно и ноги, и крылья превращаются из насекомых только в мешок, питающийся чужим организмом. Это величайшее безобразие, и сколько бы оно ни украшалось яркими утонченностями художественными, на самом деле оно остается безобразием. Оно заражает все искусство. Поэтому на всем почти лице нашей современной культуры мы не видим настоящего образованного человека. Когда человек в образе Бога рисовал свой идеал в этическом отношении, он говорил, что Бог всеблаг. что он любвеобилен, что он в любви об'емлет всех,—всех или нет, этого сказать нельзя. Вспомните языческий образ великолепного лучезарного бога Аполлона, вспомните, как Пушкин, который чувствовал всеми

фибрами своего языческого сердца красоту языческого Бога.—рисовал этого Аполлона.

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь издох Пифон,
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон.

Чтобы побеждать, нужно пускать в кого-то стрелы. Когда Евангелие говорит: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»,—прислушайтесь к тому, что говорит Отец Небесный; он говорит: «Мне отмщение, и аз воздам». Его совершенству не вредит то, что он будет страшным судом судить людей и что он грешников нераскаявшихся на такую пытку ссылает, на какую человеческая власть не в состоянии послать,—на огонь вечный. Стало быть Бог, в представлении человеческом, существо великой любви и великого гнева. Любовь может в окончательном виде восторжествовать только тогда, когда не на что гневаться, когда нет безобразия, когда нет злобы. До тех же пор, пока они существуют, они должны истребляться. Таким образом человек в торжестве своем когда-то, когда ему не придется больше бороться может быть, будет просто ликующим. «Твой лик победой блещет». Но пока победы нет, до тех пор надо пускать звонкие стрелы в чудище, которое намерено разложить культуру. До тех пор человек должен быть борцом, За что? За образ человеческий, именно за него, именно за образование.

И революция, социалистическая революция, есть революция образования как в школах, так и внешкольного. Эта революция есть революция человеческого образования, революции великой любви не только к тем, кто сейчас искалечен и поэтому необразован, но к тем нашим сынам и внукам, которых любим за то, что в их находим того человека, каким бы мы хотели быть, но какими мы

сами, к несчастью, не можем быть. Это отсутствие сознания себя, как прекрасного человека, превращается в страшную тоску по этому идеалу и в гнев по отношению ко всему тому, что стоит на дороге у человечества, на пути к достижению этого идеала. С этой точки зрения революция есть мятеж человека, который образует себя не в отдельных индивидуальностях, а в целом обществе, ибо нельзя дать человеку этическое образование, если не создано настоящее общество. Только в правильном обществе, где действительно каждый работает не для того, чтобы кто-то пользовался его трудом, а для того, чтобы дать свой взнос в общий капитал, в общий храм, в котором он сам живет и сам молится великому и прекрасному, — только в таком обществе возможен действительно образованный человек, только там человек может раскрыть свое сердце и перестать говорить вместе с Мопассаном, что человек всегда одинок и что лучший друг его есть загадка. Подобное недоверие друг к другу поселилось в сердцах в силу условий общественных, в силу частной собственности, оно должно расплавиться, сердца должны слиться с другими сердцами в атмосфере братства, в атмосфере любви и помощи друг другу. И именно во имя этой любви человек должен испытывать жгучее негодование каждый раз, когда встречается чудовище неправды; оно должно быть изгнано с лица земли.

Таким образом ясно, какие цели должно иметь образование. Оно должно стремиться создать из человека, искалеченного теперешним обществом, физического красавца, выполняющего решительно все то, что диктует ему наличие у него всех органов, которые у нас загнаны, неразвернуты. Нужно, чтобы он развернул все свои органы гармонично так, чтобы они не мешали один другому. А общество в целом также должно развернуть все свои органы так, чтобы они не мешали один другому; как в организме образованного человека каждая клетка живет и действует для блага всех, и все

сливается в ощущении счастья, так же точно и в обществе все должно служить для общей цели, и всякий отдельный индивидуум должен дать максимум творческих усилий, чтобы все слилось в одну гармонию. И эта то гармоничность, то что мы называем культурой, и есть образование. Школа должна служить этому образованию, но как она может служить ему? Может ли она дать человеку в полном объеме подобное образование? Нет, его нельзя достигнуть ни в какие годы, процесс этого образования идет с человеком до могилы. Сколько человек живет, столько же он и учится. И нет такого срока у человека, когда он не должен был бы учиться. Сама жизнь устроена так, что нужно учиться, не только потому, что всякое искусство и всякая наука бесконечно совершенствуются, но и потому, что жизнь вокруг нас дает нам каждый месяц новые задачи, заставляет нас приспособляться к новому. Один знаменитый японский художник сказал, что только в 70 лет он окончательно понял, что такое рисование, что только в 70 лет он почувствовал себя настоящим художником. А между тем это был настоящий, великий художник, который и до тех пор рисовал много хорошего, но он в 70 лет производил буквально чудеса своим карандашом и должен быть признан едва-ли не величайшим мастером рисования, который когда-нибудь существовал (Хирошиги).

И не только приходится все время учиться, но и в то же самое время нужно быть постоянно на-чеку, нужно быть гибким, нужно быть готовым к новым впечатлениям. Ужасно, если под образованием разумеет то, что человек в 22 года отливается раз навсегда в какую-то окончательную форму. Нет, он должен постоянно приспособляться к новому, должен откликаться на каждый новый звук, чутко уметь поймать всякую новую окраску, всякое новое открытие.

Вы знаете, что есть старики такого типа, которым сколько ни показывай нового хорошего, они все равно скажут: «Нет, в наше время было лучше, все в наше время было лучше, иное было племя богатыри, не вы». На самом деле это, конечно, пустяки. Это только пристрастие к тем формам жизни, в которых человек слагался.

Велико искусство быть ребенком, но этому искусству учит сама жизнь. Почти всякий умеет быть ребенком, только не мешайте его детской радости. Не мешайте, не разрушайте этой его гениальной способности радоваться жизни. Но дальше, когда мы переходим к юности когда мы переходим к зрелому возрасту и к старости, великое искусство жизни является самым важным искусством. Да, это одно из великих искусств—быть прекрасным стариком, и может быть ни в чем так полно человечество не выражается, как в мудром старце, сердце которого открыто для всего нового, который приветствует новое поколение, который передает ему свой опыт, который может сказать, что жизнь его действительно проведена им при свете любви. И вот она приходит к величественному и спокойному закату, когда человек, насыщенный днями, не заботясь о загробной жизни, умирает, сознавая, что то, что он сделал, передается в руки грядущих поколений.

Свершилось. И старец великий смежил
Орлиные очи в покое,
Он землю покинул, зане совершил
В пределах земных все земное.

Всему этому надо учиться. Только что привык человек считать себя молодым, как подходит иное время, и если он не умеет встретить лицом к лицу то, что для других является невзгодами и ужасом, он потерпит крушение. Учиться нужно постоянно. Значит, образование не есть только школьное дело. Школа дает ключи к этому образованию.

Школа должна приучать человека работать, вкладывать определенные правильные методы подхода ко всей той тайне, какой является мир, дать, таким образом, первый толчок, а уже потом жизнь будет катиться дальше, и никто не может сказать заранее, каков будет путь человека.

Внешнее образование есть вся жизнь!—Всю жизнь должен человек себя образовывать, потому что идеал, далекий, и не должно быть такого момента, который бы человек провел без всяких результатов. Это будет моментом, который он выкрал из своей жизни. Конечно, нужен сон, нужен отдых. Но этот сон и этот отдых нужны только в тех размерах, чтобы потом, получив новые силы, наверстать потерянное время. Говорят: кто спит, тот не грешит. Нет, кто спит сверх меры, тот грешит ужасно, теряет время, убивает время, а кто убивает время, убивает себя, убивает в себе образ человеческий, убивает общество и убивает самый идеал человечности. Когда собираются те или иные чиновники и говорят: давайте, сыграем несколько ролей в винт, чтобы *убить* время, —они совершенно правильно характеризуют свое дело, они четверо убийц, которые занимаются самоубийством, убийством друг друга и убийством общественно-полезного времени. Жизнь их так мелка и скудна, что только здесь, за зеленым столом, какой-нибудь акцизный чиновник или регистратор чувствует что есть какие-то шансы; что бывает так, что повезет, что может быть большой шлем,—это целое событие,—других событий у него нет. Убивать время не должен человек, который стремится к образованию. Для него все события, для него всякая мелочь ставит вопрос, для ответа на который он должен порыться в книжках, должен порасспросить и должен усвоить узнаваемое. А что значит усвоить: сделать своим, сделать элементом своего богатства. Настоящее богатство человека есть то, что усвоено.

Бывают любители, у которых есть картинная галерея, у которых есть свои собственные театры. Но они ничего этого не *усвоили*, и они отнюдь не являются хозяевами, а нищий художник, который придет в галерею и будет плакать перед Мадонной,—он в тысячу раз больше ее хозяин, чем тот, который заплатил тысячу рублей, но ничего не сделал, чтобы эту Мадонну усвоить и сделать ее источником своей радости.

Школа дает возможность этого усвоения. Что же такое внешкольное образование, и для чего здесь вас собирают? Вас собирают здесь, чтобы вы могли учить и учиться внешкольному образованию. Внешкольное образование есть дело сознания и использования тех центров культуры, которые помогли бы человеку сделать жизнь свою не простым времяпровождением, не простым процессом. Вот в чем заключается и к чему стремится так-называемое внешкольное образование. Музеи, библиотеки, театры, народные университеты, курсы, гимнастические общества и т. д. и т. д., сделайте все это доступным населению, втяните во все это население, чтобы оно могло учиться и учить тому, как нужно учиться чтобы они могли отдавать свою душу, отдавать все ценное в общую сокровищницу.

У нас в России это дело приобретает особо острый характер. Одно дело сказать: жизнь есть море житейское,—нужно уметь плавать и плыть к далеким житейским обетованным берегам. Другое дело сказать: люди тонут, надо учиться плавать, чтобы спасать их. У нас в России не было правильной школы, никто правильной школы не прошел. Наша школа калечат людей, отрывает их друг от друга, дает познания, которые позабываются. А сколько есть тех, которые ходят с закрытыми глазами и не знают, что они слепые, что стоит только открыть глаз и—увидят небо, солнце и землю! Для нас внешкольное образование есть гигантский орган пропаганды ряда образовательных, т. е. научных и художественных ценностей.

гигантский аппарат культурного просвещения народа, который держали в темных подвалах, который держали в кротовых норах, которому не давали возможности развернуть свои крылья, чтобы этот народ был в состоянии воспользоваться своей победой.

Политически он победил теперь, экономически он начинает брать все центры производства в свою мощную руку, но как он будет править и как он будет хозяйничать, когда у него нет знаний? Он получит их в школе, но—Улита едет, когда то будет. Нужно давать знания сейчас и не только подрастающему поколению, из которого, будем надеяться, мы сделаем новых людей, но тому, кто сейчас победил: дайте ему возможность переделать общество, дайте ему знания!

Тот голод физический, который мы сейчас ощущаем, он гораздо менее опасен, чем духовный голод, чем это истощение народа в смысле культуры. Сколько он ошибок делает, сколько мерзавцев он выдвигает вперед, которые его рабоче-крестьянское дело срамят своими гнусными проделками! А что ему делать, когда он не имеет знания, когда ему приходится хвататься за тех, которые идут к нему? Что же ему делать, когда его государственную власть саботировала интеллигенция сколько-нибудь честная из за политических предрассудков? Ошибки делаются на каждом шагу, но он верит в себя, у него есть искренняя и твердая уверенность, что *надо* победить, у него есть потребность знания, тем более, что он, разрушив здание старой культуры, среди руин живет и закладывает фундамент нового здания.

Чтобы знать, что разрушать и как разрушать, чтобы правильно заложить здание, нужна масса знаний. И мы боимся, что народ-слепец, хотя и сознал свою силу и сделался политическим господином, не окажется в силах в хозяйственном порядке устранить то зло, которое получил по наследству от своих царей, от своих

бар. Поэтому у нас это дело стоит очень остро. И ваше дело выполнять все то, что в нормальное время выполняет школа, т.-е. дать простую грамоту, по в то же самое время никогда не забывать, что идеал заключается не в этом и не в том, чтобы натаскать человека на ту или другую специальность, а именно в том, чтобы сделать его борцом за человечность, а таким может человек стать только тогда, когда он знает, что такое мир, откуда он стал, как вытек настоящий момент из капиталистического строя, какое отношение имеют к этому научные художественные и технические задачи, какое место я, как какой-то Иван и Степан, занимаю в этом мире, и что мне делать? Дайте ему умение делать то, что я должен делать в эпоху величайшей революции, какую видел когда-либо мир!

Вот почему, товарищи, наше рабоче-крестьянское правительство не может не придавать внешкольному образованию самого первого, колоссального значения. Вот почему никакие средства не будут достаточны в этом отношении и вот почему рабоче-крестьянское правительство ничего не пожалеет для того, чтобы притти на помощь внешкольному образовательному делу.

Если бы у нас было достаточное количество преподавателей, то мы могли бы и сейчас покрыть лицо России народными университетами. Но это не так легко сделать, потому что количество людей, которые могут быть светочам в этом отношении, не велико. Нужно сначала подготовить лекторов, подготовить самих руководителей и прежде всего, пожалуй, за это и придется взяться. А пока удовлетворимся тем немногим, что мы для масс можем сделать сейчас же.

Тем не менее, я должен сказать, что если дело внешкольного образования является могучим рычагом, который поднимает до нового уровня народные массы, то оно является также могучим рычагом для того, чтобы переобразовать тех, кто считает себя образованным

Мы заставим образованных людей работать в этой области, даже тех, которые этого не захотят сами, мы втянем тех, которые идут нам навстречу, чтобы они своим образованием служили народу. Те крохи знания, которые они имеют, они должны отдать народу и отдавая, они не станут беднее, а, наоборот, они станут богаче. Работа со взрослым человеком не то, что школьная работа. Хотя мы и требуем в школе, чтобы учитель был сотрудником ученика, но там все же есть незрелый ученик и зрелый педагог, здесь же человек, который был оторван от труда, который не знает настоящих невзгод у которого нет социального инстинкта, нет революционного размаха творческой души,—он просто любит учиться у тех рабочих, у тех крестьян, к которым он идет и которых он начинает учить. Да, ему, уча, придется учиться! Он, придя, должен дрожащими от счастья руками отдать этому богатью-народу то, что он знает в физике, химии и т. п. И он должен знать, что то спасибо, которое ему скажет народ в простом сотрудничестве даст ему новые силы. Русский интеллигент влачит оброшенное и жалкое существование. Если он может из прислужника самодержавия, которое штемпелевало его, чтобы быть надсмотрщиком над рабами, сделаться действительно гражданином и проникнуться тем, чем переполнены лучшие люди из трудящегося люда,—то только путем сотрудничества с этими трудящимися людьми, только тем он сможет сделаться действительным гражданином.

Пользуясь этим, мы сможем завязать в один узел эту громадную цепь народную, которая, исполненная страданий прошлого, проталкивается к своему будущему, с той цепочкою, какую представляют из себя науки и искусство, в которых есть много ценностей и которые должны влиться в эту мутную и темную реку своими небольшими сравнительно потоками. Слияние будет благотворно, ибо эта мутная и темная, но могучая река и является той средой, в которой должно развернуться и засиять все то хорошее, что в

культуре современной всетаки есть, ибо кто же может отрицать; что науке и искусстве прошлого есть масса громадных ценностей. Все это от соприкосновения с народом загорится новым светом, из мертвого превратится в живое. Все это зажжется пламенем настоящего творчества и в то же самое время осветит недра гигантской, но пока еще темной народной души, темной, но горячей, темной, но богатой.

Мы призываем знающих дать свои знания незнающим и развиться мощью трудового народа. Из сочетания того и другого будет постепенно начато создание образованного человека, борца-титана, который напрягает все силы, чтобы переделать лицо земли, а потом и того человека бога, того существа, ради которого создался, быть может, мир, который будет царем, но таким, о котором мы мечтаем, когда говорим—образованный человек.

Наш идеал—образ человеческий, богоподобный, по отношению к которому мы все являемся только материалом, только болванками, которые нужно оформить, но болванками живыми, носящими свой идеал в себе самих.

И в настоящее время, расплавленное время, горячее время, революционное время, могущее сделать громадный скачок вперед, — все вместе, все дружно, к какому бы слою по степени образованности мы ни принадлежали, — все вместе по направлению к этому сияющему будущему должны идти мы. Вот при таком порядке вещей всякое открытие курсов, в которых рабоче-крестьянское правительство, являющееся носителем пламенной веры и жажды познания, которыми перенасыщен русский народ, и которое это правительство старается и в вас зажечь, — всякое открытие таких курсов есть событие.

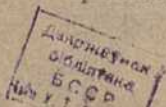
Товарища, в последние дни, когда советская власть начинает одерживать победы, когда кошмарное сознание того, что каждую минуту мы можем поскользнуться, что каждую минуту меч внутренней крамолы или чудовище внешней враждебности может захватить

Дело № 10
Секрет
8

еще ребенка — социализм, лежащий сейчас в гигантской всероссийской калыбелы, до некоторой степени ушло, когда ваша грудь бодро дышит, когда мы видим, как рушатся империализм везде, начиная с Болгарии, когда мы чувствуем, что недалекое время, когда ваша победа будет более или менее полной когда к нам присоединятся целые миллиарды наших братьев, до сих пор отставших от нас — в эти дни, едзя по Петербургу, выступая с речами на открытии всяких курсов, всяких клубов — я ощущаю переполняющее грудь счастье; когда вижу столько людей, готовых работать, и не только в низах, но и в интеллигенции из рядов которой многие идут к нам с чрезвычайною охотой и только сиранивают: пригодится ли то, что мы знаем берите, если это нужно. И несут ценности, прекрасные ценности наличность которых я, человек по старой терминологии, как будто образованный иногда просто не предполагал, к которые сейчас к нашим услугам.

Огромнейшими возможностями духовными полна Россия, идущая вслед за своим красивым Петербургом. Огромными возможностями располагаем мы в нашем строительстве и при всех этих возможностях рассеивается страх, что мы очень невзжественны, очень молоды очень незрелы что мы младший брат в европейской семье, который взялся за решение такой задачи, которая и старшему брату была как будто не по силам. Нам нужно терпение, но не то терпение которое молчит, а терпение которое вырывает все силы к работе не приходит в отчаяние, когда не сразу постройка возводится. Из того не следует, что можно работать с прохладцей. Все к энергии, все к величайшему напряжению, — и мы создадим нового человека!

Глаза всего мира устремлены на нас, на нас смотрели и говорили некоторые со злорадством тайным — зот пошатнулись, вот надают опять встают! — Теперь видит, что мы трючные корни в землю пускаем, что мы будем праздновать свой пролетарский годовозой юбилей, и если нет еще на молодом деревце золотых плодов, то первые листочки уже есть, первые почки уже появились. И одной из таких почек, одна бутоном этого деревца и являются ваши курсы, которые я от имени Комисариата Народного Просвещения приветствую, товарищи. (Аплодисменты)

B0000002766044